

Катектические механизмы культуры^{*} Часть 2

Дмитрий Куракин

Кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра фундаментальной социологии, профессор Департамента образовательных программ Института образования Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Приглашенный профессор социологии Йельского университета.
Адрес: 204 Prospect St., room 204, New Haven, CT, USA, 06511
E-mail: dmitry.kurakin@yale.edu

Работа посвящена изложению и обоснованию новой исследовательской программы, нацеленной на признание конститутивной роли эмоций, аффекта и их интенсивности в формировании культурных смыслов. Она противостоит широкой традиции, сводящей культуру к информации, культурные процессы — к кодированию, передаче и обработке этой информации, а эмоции — к своего рода «топливу», усиливающему эти процессы в социальной жизни. В основе этой программы лежит реинтерпретация понятия «катексис», определенного как базовое свойство культуры, состоящее в том, что эмоции, производимые в социальных взаимодействиях, могут прикрепляться к разного рода объектам — вещам, идеям, представлениям, символам, телам и их частям, пространственным (таким как, например, территории) и темпоральным (таким как события) феноменам. На основе анализа, представленного в первой части статьи, во второй части выделены две базовые валентности катектических механизмов культуры (пиетическая и трансгрессивная) и сформулированы пять общих свойств катексиса (постоянство, принцип фармации, производство границ, ситуативность и эмерджентность). С опорой на эту позитивную программу произведен краткий обзор существующих теорий, имеющих дело с эмоциональным измерением культуры. Для удобства организации материала он структурирован в виде трех тематических подразделов: восприятие; идентичность и изменение социального порядка; и энергетика социального действия. Показано, что теория катексиса может стать общим знаменателем этих намечающихся подходов, усилить их потенциал и приблизиться к более адекватному пониманию эмоционального измерения культуры в социологии.

Ключевые слова: катексис; культура; эмоции; аффект; сакральное; культурсоциология; социология культуры и познания; когнитивные процессы

В первой части статьи я наметил контуры новой исследовательской программы, нацеленной на признание конститутивной роли эмоций, аффекта и их интенсивности в формировании культурных смыслов. Она противостоит явному или скрытому приравнению культуры к «информации», характерному для доминирующей в социологии рецепции вычислительных моделей познания. В фундаменте новой программы лежит понятие «катексис», представляющее собой реинтерпретацию фрейдовского понятия *Besetzung* в логике дюркгеймианской

^{*} Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2024 году.

социологии культуры. Я определяю его как «*базовое свойство культуры*», состоящее в том, что «*эмоции, производимые в социальных взаимодействиях, могут прикрепляться к разного рода объектам — вещам, идеям, представлениям, символам, телам и их частям, пространственным (таким как, например, территории) и темпоральным (таким как события) феноменам*» (Куракин, 2023: 22). Как показал историко-социологический экскурс, приведенный в предыдущей части статьи, дюркгеймовская программа обнаруживает весьма существенный, недооцененный потенциал для встраивания эмоционального измерения в конструкцию культуры.

Экскурс в историю идей, приведших З. Фрейда к понятию *Besetzung*, а Э. Дюркгейма к теории сакрального, модели «бурления», социологической теории познания и теории коллективных эмоций, выявил удивительные параллели между работками двух великих современников. Если мы примем во внимание другие ключевые элементы научного ландшафта конца XIX — начала XX века, и, прежде всего, широкое воодушевление идеями, которые мы сегодня относим к «эмерджентизму», и финализацию первой версии классической нейронной доктрины, мы обнаружим все основные элементы, которые могли бы поместить эмоциональное измерение культуры в ядро формирующейся социологии. Однако в тот момент эти элементы не сложились в пазл. Сегодня, когда поведенческие науки проходят через череду «когнитивных поворотов» под влиянием прогресса в нейронауке и его философско-эпистемологических осмыслений (Kurakin, 2020; Куракин, 2018; Шариков, 2019), а эмерджентизм снова вернулся на сцену после нескольких десятилетий забвения (Clayton, 2006), открывается новое окно возможностей для теоретизирования эмоционального измерения культуры. Конечно, указанная историческая параллель в данном случае не может рассматриваться как доказательный аргумент. Однако растущее число исследований в социологии культуры (и познания), посвященных феноменам, в которых эмоции и их интенсивность играют ключевую роль в формировании смыслов, является важным, даже если косвенным, аргументом в пользу тезиса о своевременности развертывания социологической теории катексиса. Во второй части статьи я опираюсь на эти исследования и, интерпретируя их через призму социологической теории катексиса, демонстрирую ее потенциал и намечаю перспективные направления развития.

В первом разделе статьи я выделяю базовые валентности катектических процессов: пиетическую и трансгрессивную. Они образованы, соответственно, позитивным и негативным модусами взаимодействия с символическими границами. Во втором разделе я формулирую пять общих свойств катексиса. В третьем перехожу к обзору упомянутых выше новых исследований, реинтерпретируя их через призму теории катексиса и отмечая потенциал развития, которое она дает. Для удобства организации материала я выделил три категории процессов, которые рассматриваю одну за другой в трех подразделах: *восприятие; идентичность и изменение социального порядка; энергетика социального действия*.

Базовые валентности катектических механизмов культуры

Две базовые валентности катексиса, которые с точки зрения их ролей в структурировании культуры отвечают элементарному логическому различению «позитивного» и «негативного», сформированы двумя базовыми модусами катектических процессов: пиетическим и трансгрессивным (Kurakin, 2015; Куракин, 2011b). Пиетический модус образован всеми теми процессами, в которых эмоциональное притяжение проистекает из консистентного — то есть следующего правилам — взаимодействия с символическими границами, образцами, предписаниями и сценариями, заданными существующими культурными структурами. В работах Дюркгейма и его последователей эта валентность представлена большинством позитивных обрядов (Дюркгейм, 2018; Дюркгейм, Мосс, 1996). Она широко распространена в социальной жизни и связана с тем, что некий влиятельный символ, бинарная оппозиция или иная культурная структура может вызывать воодушевление и подобные интенсивные эмоции — то есть транслировать свою символическую мощь в область социальных действий и взаимодействий. Типичными примерами тут могут быть власть сакральных символов, торжественное волнение перед национальным флагом или просто разные формы престижа, которые способны не только вызывать сильную эмоциональную реакцию, но и мобилизовать энергичное действие.

Трансгрессивный модус катектических процессов состоит в эмоциональном притяжении или отталкивании, проявляющихся в разнообразных антиструктурных формах символического действия: пересечения, разрушения, размывания или оспаривания границ, формирования неопределенности и двойственности и других видов нарушения, освященных обычаем, правом или иным социальным консенсусом символических границ (Turner, 1975; Дуглас, 2000; Куракин, 2011b; Тэрнер, 1983). В свою очередь, порождаемый трансгрессией «диссонанс» способен формировать или укреплять новые символические границы и новый символический порядок. Это свойство лежит в основе феномена «учредительного насилия», подробно анализируемого Рене Жираром (Жирар, 2000). Парадигмальным примером негативного катектического процесса является Холокост, сверхмасштабная трансгрессия, породившая новый культурный порядок «этики после Холокоста» и масштабные политические изменения в мире (Александр, 2013). Однако широчайший спектр культурных процессов, в основе которых лежит трансгрессия, простирается от приведенных в пример событий планетарного масштаба до микроструктур лингвистических и когнитивных процессов. К примеру, изыскания Поля Рикёра позволяют заключить, что трансгрессия лежит в основе метафоры как базового механизма языка и мышления: целостность символических структур в данном случае разрушается неустранимой и определяющей для эффектов метафоры амбивалентностью метафорического и буквального смысла (Kurakin, 2014; Ricoeur, 1978; Рикёр, 1990). На самом общем уровне пиетическая и трансгрессивная валентности катектических про-

цессов в совокупности объясняют колоссальную часть самых разнообразных культурных процессов.

Как я попытался показать в предыдущих исследованиях, работы Жирара позволяют переосмыслить и существенно усилить потенциал дюркгеймианства, увидеть то, что так часто ускользало от теоретиков культуры: диалектику культурных различий и энергетики культуры — двух начал, которые соприкасаются в любом культурном элементе. Ключевое понятие теории Жирара — «насилие», которое он определил как «обезличивающее» начало, уничтожающее существующие культурные различия, высвобождает то, что можно метафорически назвать «энергией вещества» культуры (Kurakin, 2019a). В своем стабильном модусе эта «энергия», или аффективный потенциал, скрыта внутри смысловых различий, которыми, как могло показаться, и исчерпывается культура. Катеكتические механизмы культуры возвращают к рассмотрению это часто незаметное, но ключевое для адекватного понимания культуры измерение.

Свойства катексиса

В этом разделе я кратко резюмирую основные положения теории катексиса, намеченные в первой части статьи. Повторю, я определил катексис как свойство культуры, состоящее в том, что *«эмоции, производимые в социальных взаимодействиях, могут прикрепляться к разного рода объектам — вещам, идеям, представлениям, символам, телам и их частям, пространственным (таким как, например, территории) и темпоральным (таким как события) феноменам»* (Куракин, 2023: 22). Фундаментальный характер связи эмоций с объектами опыта, лежащий в основе понятия катексиса, разделяется наиболее глубокими теоретиками эмоций, такими как Марта Нуссбаум, для которой главное в эмоциях — их интенциональный характер, и Сара Ахмед, для которой «контакт», конституирование поверхностей тел и предметов — это преимущественная область циркулирования эмоций. Часть общих свойств катексиса следует напрямую из этого определения, а часть прояснилась благодаря историко-социологическим, теоретическим и эпистемологическим экспликациям, произведенным в предыдущей части статьи.

Постоянство (persistence). Это основное свойство катексиса может показаться тривиальным: эмоциональный заряд, произведенный в социальных взаимодействиях, не только прикрепляется к объектам, но и сохраняется во времени. Однако оно ведет нас дальше семиотической логики означивания и установления того когнитивного консенсуса, благодаря которому мы закрепляем за знаками определенные значения. Лучше других этот когнитивный консенсус объяснил Людвиг Витгенштейн через понятие «правил», введение которых предписывает сообществу конформизм в трактовке значений слов и символов (Витгенштейн, 1994). Его важность настолько велика, что Питер Уинч положил витгенштейновское понятие «правил» в основу интерпретативной социологии (Уинч, 1996). Однако постоянство катеكتического заряда может превосходить постоянство консенсуса, о кото-

ром говорят Витгенштейн и Уинч. Проще всего это проиллюстрировать отсылкой к свойству амбивалентности сакрального (Куракин, 2011b) — способности сакрального менять «полярность» на противоположную — от чистого к скверному, и наоборот — без утраты сакрального статуса и связанных с ним свойств. Иными словами, эмоциональная интенсивность сакрального объекта оказывается более устойчивой, нежели его текущие трактовки как благое или губительное, прекрасное или отвратительное и т. д. Свойство постоянства указывает на столь часто игнорируемую роль эмоциональной составляющей смысла.

Пороговый характер катектических процессов, или *принцип «фармации»*. Чтобы участвовать в создании культурных смыслов, эмоциональная или аффективная составляющая этого процесса должна достигать определенного порога интенсивности¹. Парадигмальным примером в данном случае снова может послужить дюркгеймовская модель «бурления». Ключевой тезис Дюркгейма как раз и состоит в том, что интенсивность коллективных эмоций, какова бы ни была их модальность, намного превышает интенсивность эмоций, которые индивид переживает в повседневной жизни. Лишь при достижении этого порога эмоциональной интенсивности в ритуальном взаимодействии производится сакральный объект. Описанный синтез культурных смыслов можно уподобить тем химическим реакциям, которые могут состояться, только если участвующие в них атомы находятся в возбужденном электронном состоянии, как, например, в случае формирования эксимерной молекулы. В основном состоянии образующие ее атомы отталкиваются. Химическая связь, приводящая к образованию молекулы, образуется, только если они находятся на верхнем энергетическом уровне. В истории науки соответствующее свойство с древних времен называют принципом фармации. Оно лежало в основе древнегреческих представлений о медицине и лекарстве: свойства одного и того же вещества может меняться на противоположные (исцеление vs отравление) в зависимости от его концентрации.

Формирование границ. Из предыдущего свойства проистекает важное следствие: катектирование объектов или символов всегда приводит к формированию границ. В парадигмальном случае дюркгеймовского «бурления» это граница между сакральным и профанным. В общем случае граница формируется в силу того, что разность эмоциональных потенциалов достигает или превышает пороговый уровень. Как я уже упоминал в заключении первой части статьи, связь между эмоциями и аффектом и их интенсивностью, с одной стороны, и формированием границ, с другой стороны, лучше других продемонстрировала Сара Ахмед. В своей книге (Ahmed, 2004) она показала, что эмоции не только производят аффективно-заряженные символические границы между своим или чужим, но часто даже буквально формируют поверхности предметов. Боль² формирует поверхность тела.

1. Для Нуссбаум, с ее особой трактовкой эмоций, пороговый характер — ключевая характеристика самих эмоций (Nussbaum, 2001).

2. Как и я в данной статье, Ахмед уходит от противопоставления эмоций, аффекта и ощущений — строго говоря, несомненно, различающихся понятий. Как следствие, боль (как нечто между эмоцией

В своей книге Ахмед приводит еще один яркий пример — описанный афроамериканской активисткой Одре Лорд инцидент в метро, в котором она, будучи ребенком, села рядом с белой женщиной в шубе, а та стала с гневом и отвращением отодвигаться и отгораживаться от нее, формируя физическую границу. Работая над определением ситуации, юная Одре (которая вначале подумала, что между ними таракан — столь острой была реакция женщины) в итоге поняла, что граница проходит по ее коже и ее одежде: эмоции гнева и отвращения, от которых она была не в силах уклониться, придали эмоционально-окрашенный смысл ее одежде и ей самой (Ahmed, 2004: 53). Смысл этого примера состоит в том, что эмоции формируют феноменологически-воспринимаемые поверхности тел и предметов, и уже потом трансформируются во всеохватывающие расовые обобщения. Ахмед виртуозно опрокидывает оппозицию, сформированную широкими теоретическими традициями, рассматривающими эмоции как внутреннее или, напротив, внешнее начало, показывая, что сами эти «внутри» и «вовне» конституируются эмоциями и являются их эффектами (Ahmed, 2004: 11). Таким образом, связь эмоций с границами оказывается намного более фундаментальной, чем можно было бы предположить, ориентируясь на социальную теорию и здравый смысл.

Ситуативный характер. Участие эмоций в формировании культурных смыслов имеет спонтанный, уклоняющийся от твердого контроля, характер. В результате появляется много «артефактов», образованных соединением эмоций со случайными — то есть не номинированными волеием активных акторов или даже культурной логикой — объектами и культурными символами. Как это часто бывает, в данном случае лучшей иллюстрацией будет сфера художественного вымысла. Супергерой комиксов Флэш получил силу и сверхспособность скорости в результате попадания молнии в набор химикатов. Народные приметы и традиции также особо выделяют непредсказуемость катексиса. Мы стучим по дереву, чтобы «заземлить» и так отвести от себя катектический заряд порчи, привлекаемый неосторожно озвученными вслух надеждами. В Германии и некоторых других странах можно встретить странный обычай касаться кружкой пива стола, после того как кружки содвинуты. В этом можно усмотреть такую же попытку избежать непредсказуемого и, возможно, опасного направления, которое может принять заражение коллективным бурлением, образованное в результате этого жеста. В России мы несколько наивно надеемся, что «заклинание» тоста — достаточно надежный гарант канализирования этой энергии, и, напротив, избегаем ставить рюмку или бокал на стол, прежде чем выпить. Эмоциональное измерение придает культуре несколько «необузданный» характер, и хорошо известный принцип «заражения» движем именно этой силой.

и аффектом) рассматривается как соотносимое с ними понятие. В свою очередь, я исхожу из того, что на данном уровне развития теории катексиса мы еще не достигли такой определенности и точности утверждений, на которой было бы возможно и необходимо осмысленно уточнить указанные терминологические различия.

Эмерджентность. Культурные смыслы формируются в результате эмерджентного синтеза, в котором эмоции и аффекты представляют собой важнейшие компоненты. Эмерджентный характер этого синтеза означает, что его составные элементы невозможно «изъять» или «вычесть» из результата синтеза. Важнейшее следствие этого утверждения состоит в том, что доминирующая в социологии «топливная» метафора эмоций, согласно которой эмоции усиливают уже сформированные культурные смыслы и процессы в социальной жизни (двигатель отдельно, бензин отдельно), — в корне неверна. Другое важное следствие: этот синтез носит распределенный характер, в нем участвуют разнородные объекты: символические, материальные, нейрофизиологические, телесные и т. д. Все компоненты этого синтеза влияют на результат, но никогда не напрямую — в форме прямого каузального действия. Поэтому выведение свойств культуры из свойств когнитивных процессов невозможно, а соответствующие попытки, весьма популярные в современной социологии культуры и познания, ошибочны (Kurakin, 2020). Например, свойства культуры не повторяют свойств амигдалы — области мозга, с которой связывают формирование эмоций — и не следуют из них напрямую. Их характеристики влияют на культурные процессы (т. е. процессы верхнего уровня по отношению к ним) в логике «граничных условий», т. е. примерно так же, как законы природы влияют на характеристики автомобиля: каждое из них ограничивает пространство возможного, играя роль «аффорданса», а ключевую роль играет их композиция — дизайн машины (Kurakin, 2020; Paksi, 2014; Polanyi, 1968). Резюмируя: эмерджентность катектических процессов означает их недетерминированность, распределенный характер синтеза (эмоциональную составляющую нельзя изъять или «дистиллировать» из культурного «сплава») и их зависимость от композиционной совместимости элементов (в логике аффордансов).

Катексис как «общий знаменатель»: социология культуры в поисках эмоций

В этом разделе я постараюсь показать, что многие авторы прямо сейчас подступают к пониманию особой роли, которую аффект и эмоции играют в культуре и в формировании культурных смыслов. Ранее я выдвинул предположение, что это может быть связано с философским и теоретическим осмыслением прогресса нейронауки и некоторыми другими сложившимися условиями, образовавшими окно возможности для прорыва в понимании эмоционального измерения культуры. Представляется, что в предыдущий раз такое «окно» открывалось в конце XIX — начале XX века, что привело к появлению понятия «катексис» и «поздней теории Дюркгейма», однако сто лет назад нужные связи не были прочерчены и момент был упущен.

В том виде, как я определил его в этой работе, катексис представляется весьма простым, если не вовсе тривиальным понятием. Как его введение может привести к прорыву в понимании эмоционального измерения культуры? Я приведу

два простых соображения, стоящие за моими изысканиями в этой связи. Первое: исследования, о которых пойдет речь в этом разделе, имеют дело с одними и теми же фундаментальными принципами, но в отсутствие подходящего категориального аппарата они всякий раз вводят новые и новые предметно-специфические понятия: «социальная боль», «разрыв», «значимость» и пр. По изящному выражению Филиппа Смита, они не видят друг друга, «как корабли в ночи»³. Это нужно понимать не буквально — упомянутые исследователи в основном хорошо знают друг друга и ссылаются на соответствующие работы — однако это не приводит к общему приращению теории и дальнейшему продвижению в понимании эмоционального измерения культуры.

С этим связано мое второе соображение, усматривающее эпистемологическую аналогию в формировании классической механики. Основные параметры и очертания механики как раздела физики были ясны со времен Античности. Тело, пространство, материя, время, причина, движение и покой взаимозависимы для любой теории движения, так же как чувства, мысли и действия — для любой теории действия. Можно было бы предположить, что тут царит плюрализм: для каких-то задач удобно положить в основу тело и пространство, для каких-то силу или движущую причину, а для каких-то скорость и изменение. Однако, как показало время, лишь предложенное Ньютоном элементарное решение, соотносящее движение и его изменение с силой, открыло путь к развитию классической механики.

Действительно, аристотелевское положение о невозможности бесконечного движения выглядит не менее интуитивно-ясным, чем ньютоновское. Равно как и античные и средневековые развития аристотелевской мысли, вращающиеся вокруг идеи, что для продолжения движения необходимо постоянное приложение силы неким движителем, будь то в форме «*motor proximus*» или «*impetus*». Видение скорости как интенсивности движения, и, следовательно, некоторой запечатленной силы, также вполне соотносимо с повседневным опытом и элементарными наблюдениями. Закон сохранения движения Декарта и соотносимые с ним законы движения, релятивизирующие движение и покой и вводящие понятия меры количества движения и покоя, также выглядят одной из приемлемых перспектив. Однако эти линии рассуждений, объясняя движение в принципе, не позволяли перейти к развитию теории и приращению знания. Базовые положения, зафиксированные Ньютоном в его знаменитых законах — о бесконечном прямолинейном движении в отсутствие приложения сил и о силе как причине изменения движения, — выглядят как один из углов зрения на проблему, рядоположенный прочим и лишенный эпистемологического приоритета. Однако продуктивное продвижение оказалось возможно лишь с опорой на предложенное Ньютоном простое решение⁴. Предлагаемое мной скромное и тривиальное решение — положить катек-

3. Источник: личная переписка.

4. За кажущейся простотой этих положений лежат весьма сложные теологические построения — именно они, а не повседневный опыт, придали убедительность абстракциям бесконечного однород-

сис в основу понимания эмоционального измерения культуры — имеет в своей основе нескромную амбицию, что именно оно позволит продвинуться дальше на данном этапе развития социологии культуры. В этом разделе я намечаю первые шаги на этом пути, рассматривая ряд исследований, наиболее чувствительных к роли эмоций в формировании культурных смыслов, через организующую оптику теории катексиса.

Восприятие

Ключевая теоретическая рамка, построенная на основе дюркгеймовской теории сакрального и обеспечившая настоящий прорыв в понимании восприятия, разработана Мери Дуглас (Дуглас, 2000). Работая с категориями чистоты и загрязнения, она показала, как фундаментальная оппозиция сакрального и профанного, а также ее динамическая производная⁵ — чистое и скверное — позволяют объяснить отвращение, страх и целый ряд других эмоций, возникающих при операциях с символическими границами. Даже бытовое восприятие грязи, как убедительно показала Дуглас, восходит не к грязи как субстанции, априори определенной как «грязная», а к символическим процессам упорядочивания, классификации, а точнее — к их нарушению. Поскольку выпадение из символических классификаций или другие формы их нарушения — это универсальный процесс, охватывающий все, что связано с миром смысла, перед нами фундаментальный катектический механизм, понимание которого дает мощный объяснительный ресурс. Типологически он восходит к описанной выше трансгрессивной валентности катектических процессов.

Глубокое волнение, охватывающее нас при столкновении с описанными Дуглас маргиналиями символических классификаций, чем-то «не на своем месте», может принимать отнюдь не только форму отвращения. Оно может быть и чрезвычайно притягательным: как предписывает свойство постоянства, интенсивность эмоций в данном случае устойчивее их модальности. В своем исследовании восприятия тайны (Kurakin, 2019a) я выстраиваю теорию эмоциональных аттракторов, которая позволяет объяснить причины и механизмы необычайного магнетизма, исходящего от тайн и делающего тайну одним из основных жанров популярной культуры. Ключевую роль в этом объяснении играет модель «триггер-нарратив», описывающая катектическую конституцию тайны и притягательность версий ее разгадки как происходящие из трансгрессии, которую некий триггер — «странное» событие, предмет или идея — производит в отношении некоего доминирующего нарратива. На наиболее общем уровне любая тайна несет в себе вызов в от-

ного пространства, линейного времени и «абсолютного движения». См., например, работу П. П. Гайдено (Гайдено, 2013).

5. Подробнее о том, почему я считаю, что чистое/скверное необходимо понимать именно как динамическую производную от оппозиции сакральное/профанное и об отношении между этими понятиями см. в работе: Куракин, 2011b.

ношении метанарративов рациональности⁶. Даже в случае детективного романа, жанра, который часто и некорректно с точки зрения его наиболее важных свойств уподобляли арифметической задаче, притяжение и волнение проистекает отнюдь не (только) из интеллектуального вызова, ответ на который исчерпывается аккуратным перебором вариантов решений (Caillois, 1984; Болтански, 2019). Подобно тому, как небольшое нарушение диетарного табу угрожает всему космологическому порядку, даже локальное и изолированное логически-невозможное событие (убийство в закрытой комнате, где, кроме жертвы, никого нет) несет угрозу всему рациональному и символическому порядку. Если такое возможно, вопреки логике и здравому смыслу, кто теперь может гарантировать, *что* из того, что только может себе вообразить человек, или даже не решается вообразить из первобытного ужаса, невозможно?

Символическую мощь «обезразличивания» вполне прояснил Рене Жирар, который подробно показал, как, возникая «как огонь по пороховой дорожке», обезразличенность разрушает весь порядок (Жирар, 2000: 82). Поэтому, хотя в случае каждой конкретной тайны ее непосредственный предмет может быть локализован («whodunit?» — на жаргоне любителей детективных романов), подлинным предметом вызова является само устройство осмысленной жизни, в основе которой лежат катектически-структурированные символические классификации, а источником волнения — высвобождаемый трансгрессией катектический заряд. Если продолжить уже намеченную выше аналогию с физикой, энергетика тайны принадлежит не макромиру «механики» социальных групп и интересов (как в случае с секретом, чья значимость, как показал еще Георг Зиммель, определяется ценностью скрываемой информации (Simmel, 1906)), а к микромиру энергии вещества, высвобождаемой в «ядерном синтезе», который запускает тайна (Kurakin, 2019a).

Еще одно стратегическое направление исследований, которое может позволить развить понимание катектических механизмов культуры, представляет собой музыка. Неслучайно именно в этом качестве музыка привлекает внимание Марты Нуссбаум и ее теории эмоций: в отсутствие слов музыка, подобно снам и мечтам, по необходимости оказывается «на глубине» (Nussbaum, 2013). Анализ совместного музицирования и прослушивания музыки — важный источник для охвата темпорального измерения катектических процессов: музыка выраженным образом является средой эмоционального притяжения, причем катектическая структура в данном случае распределена во времени. Все то, что я писал в первой части статьи про распределенный характер познания, напрямую относится к исполнению и прослушиванию музыки.

6. В своих рассуждениях об иллюзиях, фабриках и галлюцинациях Ирвинг Гофман вводит понятие «дискредитации», примечательная особенность которой состоит в том, что, когда заблуждение развеивается, дискредитированной может оказаться вся система, элемент которой был связан с этим заблуждением. Движимая фундаментальной силой «подозрения», в космологии западного человека принимающего форму «веры в то, что истина рано или поздно откроется» (Гофман, 2001: 173), дискредитация ощущается как неизбежная. Угроза слома фрейма всегда маячит на горизонте.

Во-первых, музыка энактивна, она требует актуального проигрывания, в котором каждый раз воспроизводится эмоциональное вовлечение. Музыка — прекрасная иллюстрация неполноценности вычислительной теории познания: она явно выходит за пределы «передачи информации». Даже воспоминание о музыке требует хотя бы краткого проигрывания, которое может, например, воплощаться в беглом напевании мелодии вслух. Во-вторых, как писал еще Клод Леви-Стросс, восприятие музыки организовано через взаимодействие мелодии с органическими ритмами: сердцебиением, церебральными волнами, ритмом дыхания (Lévi-Strauss, 1990: 16–17). В-третьих, восприятие музыкального ряда определяется взаимодействием с другими смысловыми темпоральными структурами, в первую очередь музыкальными: внимательно слушая музыку, мы предугадываем движение мелодии: иногда катектические эффекты следуют из радости узнавания — верной отгадки (пиетическая валентность), а иногда из сюрприза, когда эффект рождается расхождением с темпорально-организованным предвосхищением слушателя (трансгрессивная валентность)⁷. В-четвертых, как показал Альфред Шюц, совместное музицирование порождает ощущение «Мы», возникающее благодаря тому, что музыканты разделяют друг с другом опыт переживания внутреннего времени, обычно сугубо индивидуальный и недоступный прямому наблюдению (Schutz, 1976: 173).

Как ясно из приведенных примеров, выстраиваемое мной в этой работе уточненное видение культуры, имманентно включающее в себя эмоциональное измерение, представляет восприятие в качестве активного, энергетически насыщенного процесса, для которого принципиально важны катектическая структура и динамика культуры. Утверждать катектическое измерение культуры означает представлять ее не как объект, вещь и данность, а как ландшафт, созданный эмоционально-энергизированными действиями и потому несущий в себе распределенный катектический заряд. Такое видение, преодолевающее кибернетическую картину в духе приема и передачи информации, характерно для тех все еще немногих современных теорий, которые стремятся преодолеть «проектные» концепции действия (выстраиваемые вокруг связки «цель-средства» и подбора и оценки эффективности средств в достижении целей), тесно связанные с вычислительной теорией познания.

Например, тонкий и хрупкий «резонанс» Хартмута Розы подразумевает эмоциональный ответ, эмерджентным (то есть не вполне контролируемым и не гарантированным) образом связывающий человека с миром (Rosa, 2020: 32–34). В противном случае вместо резонанса мы получаем доминирование и отчуждение — инструментальные формы взаимодействия. Подобным образом, в рассмотренной в первом разделе этой статьи теории насилия Коллинза перед нами предстает неустойчивое равновесие симметричной борьбы, стремящееся либо разрешиться мирным эмпатически-структурированным общением, куда более

7. Это роднит прослушивание музыки с построением версий и эмоциональным притяжением тайны.

соответствующим эмоционально-когнитивной конституции человека, либо соскользнуть в более устойчивую форму одностороннего насилия (Collins, 2008).

Примечательно, что в другой социологической теории резонанса, почти одновременно с Розой разработанной Терренсом Макдоннеллом, Кристофером Бейлом и Иддо Тавори (их статья была опубликована через год после выхода книги Розы, но они не ссылаются друг на друга), резонанс определен по-другому, но его ключевыми свойствами также остаются эмоции и эмерджентность. Выстраиваемая ими прагматическая теория культурного резонанса определяет его как особый эффект, возникающий при разгадывании загадки или решении проблемы (McDonnell, Bail, Tavory, 2017). Они отчетливо распознают сходство своего понятия с близкими ему понятиями «бурления» (Дюркгейм), ритуальными цепочками взаимодействий (Коллинз) и «значимости» (salience) — недавно импортированным из социальной психологии понятием, описывающим выраженную эмоциональную связь с объектом восприятия (Guhin, 2016), но четко отграничивают свое понятие от них (McDonnell et al., 2017: 9).

В сходном направлении движется и Сет Абрютин, который в своей недавней работе развернул теорию социальной боли — на основе социологической доработки результатов исследований в области нейронауки (Abrutyn, 2023). Абрютин в основном фокусируется на социальных последствиях нейрофизиологического эффекта, который недавно привлек большое внимание исследователей — выраженной эмоциональной реакции, возникающей в результате разрыва разного рода привязанностей. Намеченная мной теория катексиса может существенно уточнить и развить проницательные находки Абрютина. Для этого нужно принять во внимание, что социальную боль необходимо рассматривать как катектический механизм в трансгрессивном модусе. Ведь распад интенсивной социальной связи — будь то временный, когда ребенок потерялся в торговом центре, или постоянный, как при утрате близкого (примеры, приводимые Абрютином) — означает резкое переструктурирование границ: стирание/отрицание/размывание старых (например, отделяющих «нас» от окружающего мира), появление новых (отделяющих меня от моего близкого) и появление многочисленных маргиналий классификаций, вещей не на своем месте. Обезразличивание, которое, согласно Жирару, распространяется «как огонь по пороховой дорожке», охватывает все новые и новые сферы. Переживание утраты близкого состоит еще и в том, что со временем мы обнаруживаем новые и новые отчуждения и перестраиваемые границы, которые не были очевидны сразу⁸. Понимая природу катексиса и трансгрессии, мы можем продвинуться намного дальше, нежели простая фиксация единичного события социальной боли. Что еще более важно, эта, расширенная картина позволяет выйти на понимание более широких (то есть охватывающих большие социальные группы) социальных эффектов, в которых индивидуальная социальная боль играет роль триггера — таких как социальная травма (Александр, 2013).

8. См., например, глубокое осмысление опыта утраты, сыгравшее центральную роль в работе Марты Нуссбаум (Nussbaum, 2001).

Аналогичным образом дело обстоит с целым рядом исследований, опубликованных в последние годы, все из которых связаны с социологией культуры и познания и ищут способы лучшего описания эмоциональных эффектов в культуре. Они концептуализируют такие понятия, как «разрыв» (причем сразу в двух неодинаковых версиях: “rupture” (Shaw, 2021) и “disruption” (Poling, 2023)), «распределенное бурление» (McCaffree, Shults, 2022), в очередной версии — «резонанс/диссонанс» (Guhin, 2016) и пр. Все эти недавние работы нащупывают важный нерв социальной жизни, ставший видимым благодаря развитию социологического аппарата культуры и познания. Теория катексиса может стать общим знаменателем, предлагающим теоретически-фундированное, но при этом с легкостью встраиваемое в уже существующие построения, обоснование для этих прорывных эвристических находок.

Идентичность, порядок и изменение

Понятые так, проблемы восприятия неразрывно и бесшовно связаны с другими социальными процессами, которые я лишь для удобства организации материала заключаю здесь в отдельные подразделы. Если восприятие — это *не* проникновение информации «внутри человека», а живой и энергетически насыщенный процесс, то что же происходит помимо собственно восприятия? Если подхватить здесь упомянутую в конце предыдущего подраздела мысль Розы, резонанс подразумевает активное изменение, причем оно происходит в обе стороны: меняется человек (в частности, его идентичность), но меняется также и мир: *«гора, которую я покорил, отличается (для меня) от той, что я видел лишь на расстоянии или по телевизору...»* (Rosa, 2020: 32–35). С некоторыми оговорками, изменение горы в данном случае — катектический процесс. Это выводит нас на важнейшую тему о роли интенсивных эмоций для изменения идентичности и порядка.

Фундаментальную роль в осмыслении этих процессов сыграла модель ритуалов перехода Виктора Тёрнера (развившего более ранние разработки Арнольда ван Геннепа (ван Геннеп, 1999)), неслучайно обретшая столь широкое хождение в социальных и поведенческих науках (Turner, 1967; Тэрнер, 1983). Ритуал перехода — парадигмальный случай изменения идентичности и статуса, в который ясным образом включены культурные символы, социальные установления и общности. Самое важное в модели Тёрнера — это присутствие обязательной для действенного ритуала и глубоко трансгрессивной по своему содержанию лиминальной стадии. Ритуал использует разнообразные способы извлекать высокоинтенсивные эмоции из нарушения табу и ритуального оспаривания границ символических структур: в конечном счете эти эмоции служат «энергетическим обеспечением» нового символического порядка и идентичности⁹. Таким обра-

9. Для разработки более детального описания этого процесса в культурно-энергетических терминах ранее я использовал концепции «обезразличивания» и «мифологической обработки», построенные Рене Жираром в рамках его теории сакрального и насилия (Kurakin, 2019b; Жирар, 2000; Куракин, 2011b).

зом, теория ритуалов перехода Тёрнера раскрывает, как происходит катектическое обеспечение трансформации идентичности, показывая его как изменение, в котором соединяются социальные, психические и телесные элементы, имеющие «энергетическую» составляющую, которую и призван обеспечить ритуал и без которой искомое изменение не может состояться.

Важно отметить, что «энергетическое обеспечение» здесь означает сложный культурно-катектический процесс, в котором интенсивность эмоций является ингредиентом эмерджентного синтеза, происходящего во время ритуала, а вовсе не эмоциональным «топливом» для культурных процессов. Прояснить это можно с помощью случаев, когда интенсивность эмоций демонстрирует созависимость с культурными обстоятельствами ситуации, как, например, в исследовании Рене Омелинг, которая показала, что эмоциональная интенсивность формально идентичных телесных операций может серьезно различаться в зависимости от того, являются ли эти операции частью ритуала перехода или нет. В своем исследовании донорства яйцеклеток Омелинг показала, что в ходе первого этапа процедур, когда все медицинские манипуляции у доноров и реципиентов яйцеклеток абсолютно идентичны, доноры не испытывают выраженных страданий, тогда как будущие матери описывают тяжелейшие физические и психические мучения (Almeling, 2011). Очевидно, для них этот телесный опыт организован переходом к материнству, тогда как для доноров он носит лишь инструментальный характер.

Другой пример, демонстрирующий роль интенсивных эмоций в изменении идентичности и, следовательно, ценный для изучения катектических механизмов культуры, представляет упомянутое в первой части данной статьи исследование современных форм паломничества Филиппа Смита и Флориана Штолля (Smith, Stoll, 2021). Выделяя паломничество в качестве одного из типов жертвоприношения, они иллюстрируют свои разработки, обращаясь к эмпирическому кейсу ежегодного вагнеровского музыкального фестиваля в Байройте. Этот фестиваль был тщательно спланирован и основан Рихардом Вагнером полтора столетия назад как культовое и весьма необычное мероприятие, каким оно остается и по сей день.

Исследование Смита и Штолля ясно показывает, почему роль интенсивных эмоций, таких как страдание, слишком легко упустить в современном мире, для которого характерно то, что Энтони Гидденс называл «секвестрированием опыта», то есть заключение в скобки и запираение в эксклавы острых экзистенциальных переживаний, таких как сумасшествие, болезнь и смерть (Giddens, 1991: 156). Что может быть более легким и приятным, чем летний музыкальный фестиваль в Германии? Однако выясняется, что дух культа избранных, который Вагнер целенаправленно пытался сформировать для своего фестиваля, специально для этого организовав его на удалении от столиц культурной жизни и особым образом спроектировав концертный зал, возобладал, несмотря на общий уровень комфорта в современных развитых странах. Информанты Смита и Штолля, равно как и они сами, описывают путешествие на фестиваль как мучительное. Жесткие деревянные кресла, на которых нужно высиживать многочасовые концерты в жуткой

духоте некондиционированного зала, двери которого закрыты для обеспечения должной акустики, превращают мероприятие в труднопереносимое страдание. Точно так же описывали опыт вагнеровского фестиваля оставившие о нем записи посетители прошлого, такие как Бернард Шоу и Петр Ильич Чайковский. Те, кто попал на фестиваль случайно, имеют мало шансов высидеть дольше первого акта (Smith, Stoll, 2021).

Выраженное страдание, о котором повествуют участники фестиваля, оказывается ключевым ингредиентом на пути к трансцендентным переживаниям, которые, по словам многих респондентов Смита и Штолля, навсегда изменили их жизни. Если даже музыкальный фестиваль оказывается продуктивно рассматривать через призму теорий паломничества и жертвоприношения, правомерно предположить, что, вопреки ключевым идеологемам современности, таким как норма жизни без боли и страдания (Ветлесен, 2010), включение в объяснительные схемы эмоционального измерения культуры и эмоциональной интенсивности дает ключ не только к экзотическим культурным анклавам, но и к обширным ландшафтам повседневности.

В своем исследовании косметической хирургии я постарался показать, что изменение идентичности, происходящее в результате операции (и которое, как давно выяснили ученые, является наиболее выраженным и востребованным эффектом операции), фундаментальным образом зависит от тех же катектических процессов. Для этого я описываю инвазивные косметические операции, так же как и подготовку к ним и восстановление после, отталкиваясь от модели Тёрнера и, через призму теории катексиса, переходя на микроуровень катектических взаимодействий (Kurakin, 2024). И существующая литература по вопросу, и собранные мной данные показывают, что, несмотря на прогресс в анестезии и чрезвычайную распространенность косметических операций, они остаются крайне болезненными и наполненными страхом и неопределенностью. Их результат почти всегда не вполне идентичен замыслу. Трудноустранимым образом, они несут тревогу на уровне воображения, так как фокусируют его на рассечениях и разрезах — символических операциях, нарушающих канон закрытого тела (Бахтин, 1965; Куракин, 2011а; Смит, 2008). Майкл Тауссиг и другие исследователи упоминают особый жанр историй, описывающих трагические сбои при косметических операциях: пациенты косметологических клиник читают их, думают о них и пересказывают их друг другу (Taussig, 2012). В своем исследовании я показываю, что эти физические и психические страдания — не сбои или побочные эффекты, а ключевая часть катектических механизмов, которые только и делают возможным то мощное изменение в идентичности, ради которого миллионы людей «идут под нож» (Brooks, 2004).

В этом месте необходимо сделать важное примечание. Мы перешли на уровень индивидуальных процессов — изменения идентичности, трансформации опыта и прочих переживаний — чтобы на микроуровне понять, что стоит за широкими социальными процессами, будь то формирование эстетического канона, динамика

формирования солидарности и сообществ, возникновение больших культурных феноменов, меняющих ландшафт социальной жизни.

Исследования и теории, тесно связанные с проблемой эмоциональной интенсивности, в которых этот макросоциальный план более очевиден, — это теории культурной травмы, моральной паники, исследования коллективной памяти, изучения истории эмоций и, в частности, особенности эмоциональной организации жизни, характерные для современности (Illouz, 2008, 2012; Reckwitz, 2020). Все они, во-первых, представляют несомненный интерес для данного исследования, а во-вторых, могут быть уточнены и усилены с помощью лучшего понимания работы катектических механизмов культуры. Существенная часть теорий и эмпирических исследований, проведенных в русле перечисленных подходов, имеют выраженные черты конструктивизма. Культура в них представлена в качестве сферы медиаманипуляций с информацией и инструментального использования политически-ангажированных нарративов. Поэтому реинтеграция в эти объяснительные схемы более адекватного видения культуры и внимания к ее катектическим механизмам способна существенно усилить данные направления исследований.

Действительно, эвристический потенциал и контринтуитивность таких понятий, как «культурная травма», «моральная паника» и «коллективная память», во многом как раз и состоит в деконструкции «первого смысла» самих этих терминов и в выявлении стоящих за ними культурных и медийных конструкторов. В свою очередь, история эмоций по сей день (!) находится под определяющим влиянием работ Норберта Элиаса и наивной «гидравлической теории эмоций» (Solomon, 1998). В течение последних десяти-пятнадцати лет некоторые исследователи стремятся пересмотреть эти подходы — причем именно с учетом прогресса нейрокогнитивных исследований (Rosenwein, 2012). Таким образом, в этой дисциплинарной области формируются тенденции в направлении, не только сходном с разворачиваемом в данном исследовании, но и таком, в развитии которого теория катексиса в будущем может сыграть важную роль. Наконец, исследования пролиферации терапевтического нарратива, приводящей к усилению эмоциональной чувствительности и репертуаров ее обсуждения вместе с ростом императива эмоционального контроля (Illouz, 2008, 2012), а также «эмократия» современной жизни и усиление веса «сингулярности» — эмоциональной привязки к уникальному в противоположность массовому и серийному (Reckwitz, 2020) — описывают ключевые свойства современности именно перспективе эмоционального измерения культуры. Они представляют исключительный интерес в части развития моделей катектических механизмов культуры, поскольку описывают ключевые макрохарактеристики среды, в которых эти механизмы воплощаются в конкретных социальных действиях.

Энергетика социального действия

Катектические механизмы культуры способны внести существенный вклад в решение фундаментальной проблемы социологии — понимания связи между куль-

турой и действием. Интуитивно кажется очевидным, что культура, ее смыслы и образцы энергично побуждают людей к действию и являются неотъемлемой частью самого этого действия. Но перейти от этой интуиции к описанию конкретных катектических структур и тому, как они формируют культурно-когнитивные драйверы действия, — весьма затруднительно без прогресса в понимании устройства самих катектических механизмов. Поэтому проблематика энергетика социального действия — это потенциально самая востребованная, но и наиболее проблематичная часть выстраиваемого здесь рассуждения. В данном подразделе я могу лишь указать на отдельные образцы современных исследований, которые могут вести в нужном направлении.

Наиболее принципиальным, хотя и слегка прямолинейным образом к решению этой проблемы в своих последних исследованиях обращается Рэндалл Коллинз. Если человеческое действие характеризуется связанной с культурой энергетикой и ее можно описать, то одним из первых вопросов будет такой: нельзя ли с помощью этого объяснить, почему одни люди добиваются успеха, а другие нет? И если в этом, как и во всем другом, обнаруживаются паттерны неравенства — то есть механизмы передачи привилегии, как их можно объяснить? Недавнее обращение Коллинза к проблеме неравенства и его воспроизводства ищет ответы именно на эти вопросы. С помощью своего понятия эмоциональной энергии и особенностей ее производства и аллокации в социальных взаимодействиях, он стремится объяснить, почему привилегии в достоинстве и признании влекут за собой большие способности в карьерном и деловом продвижении (Collins, 2019). «В верхней части континуума высокая ЭЭ¹⁰ проявляется в уверенности в себе, инициативе и энтузиазме. В нижней его части индивиды депрессивны, замкнуты и пассивны. Это производит стратификацию, потому что индивиды с высокой ЭЭ склонны к успеху, тогда как индивиды с низкой ЭЭ склонны к провалу» (Collins, 2019: 45).

По сути, этот подход претендует на решение одной из ключевых проблем социологии неравенства: выявления микрооснований надежно установленных в многочисленных исследованиях макроэффектов неравенства, таких как “achievements/aspirations paradox” и «первичные эффекты неравенства» (Boudon, 1974; Jackson et al., 2007; Куракин, 2020) — более высокие образовательные достижения детей из привилегированных семей, вне зависимости от их понимания «правил игры». Но требуется существенное продвижение, чтобы распаковать «черный ящик» «эмоциональной энергии» и выйти к пониманию стоящих за ней конкретных культурно-когнитивных механизмов. Знаменитое исследование Аннетт Ларо, выявившее разнящиеся классовые паттерны воспитания (Lareau, 2011), может быть движением в верном направлении, особенно будучи дополненным базирующимися на когнитивных теориях трактовками в отношении того, как именно эти стили и практики формируют неодинаковые культурно-когнитивные паттерны (Abrutyn, Lizardo, 2020). Однако требуется продвинуться дальше и выяснить, ка-

10. Так Коллинз обозначает «эмоциональную энергию».

кие именно императивы действия и интуиции практической оценки вызывают к жизни эти различия в поведении и какие катектические механизмы управляют эмоциональной аттракцией этих императивов и интуиций.

Проблеме эмоциональной конституции императива действия в существенной степени посвящена новая книга итальянского исследователя Андреа Бригенти. Для ее решения он обращается к полузабытому и анклавному понятию «приказа» (command) — энергичной команде, которая часто сопровождает реализацию власти (Brighenti, 2023). Суть понятия приказа состоит в том, что осуществление власти отнюдь не исчерпывается наличием властных полномочий или других диспозиций, укорененных в ситуации действия. Требуется активное, энергетически насыщенное действие приказа, которое не является частью регламентов, правил, схем и регуляций.

Посвященную приказу главу своей книги он начинает с трагической иллюстрации. В 2015 году Сандра Бленд, молодая образованная афроамериканка, была остановлена полицией за незначительное нарушение правил дорожного движения. Разговор с полицейским привел к эскалации и аресту, а через три дня она была обнаружена повешенной в тюремной камере. В записи общения Сандры с полицейским Бригенти особо выделяет стремительный рост эмоциональной интенсивности повторяющегося приказа (покинуть машину): «Отдаваемые полицейским приказам звучат как стандартные и повторяющиеся, но в них вкладывается быстро возрастающий объем энергии, видимым образом вводя не только жертву, но и самого обидчика, в страшное напряжение. Вербальный “приказ” оказывается оружием не менее летальным, чем электрошокер, который офицер сжимает в руках, — так что в конечном итоге отдаваемые им команды стоит рассматривать как сыгравшие ключевую роль в смерти мисс Бленд» (Brighenti, 2023: 18).

Уже этот пример показывает ошибочность почти полного игнорирования приказа в социальных науках¹¹. Как констатирует Бригенти, приказ рассматривается как в лучшем случае анклавное понятие, а в целом он «укрощен» идеей регламента: вся его действенность считается функцией установленных процедур, в которых ясно предписано, кто, кому и при каких обстоятельствах должен отдавать те или иные приказы¹².

Бригенти справедливо усматривает причины такого игнорирования и в теории права, где к концу XX века в целом восторжествовала позиция, что право — чистая сфера смысла, которая сама по себе не включает в себя принуждения к действию. И в социальной теории, где, начиная как минимум с постструктуралистов, утвердилось имманентистское видение власти: «дискурс» Фуко, код Бодрийера,

11. Здесь напрашивается справедливый контраргумент, связанный с теорией речевых актов Дж. Остина и ее развитием в аналитической философии, в первую очередь связанной с работами Дж. Серля. Не вдаваясь в детали, я лишь отмечу, что для Бригенти в данном случае важна внеположенность приказа существующим правилам и регламентам, тогда как перформативность илокутивного акта встроена в существующую систему установлений и репрезентаций.

12. Здесь очевидна переключка с понятием чрезвычайного положения, и Бригенти действительно производит в главе, посвященной команде, обширный и проницательный экскурс в теорию права.

символическое насилие Бурдьё, аутопойэсис Лумана и связанные с ними традиции инкорпорировали власть внутрь сложных дискурсивно-кибернетических структур¹³. И в политической теории, например, в идее либерализма как «правления без команд», то есть таком социальном устройстве, которое вбирает социальный контроль внутрь здравого смысла и систем означения и потому как бы воспроизводится напрямую через «свободу» (Brighenti, 2023:19–25).

Действительно, в этом отношении существенная часть современной социальной теории оказывается царством кафкианского сюжета, где власть, судьба и страдание каким-то дьявольским трюком запрятаны в бесстрастные и часто даже невидимые бюрократически-кибернетические схемы, из которых мы, в силу их загадочного устройства, неспособны выбраться. Вы можете этого не знать, но если ваше имя «включили в приказ» или если оно «попало в списки», ваша жизнь может радикально измениться. В этой машинерии не просматривается никакого экзистенциального напряжения: чтобы имя попало в списки или в приказ, часто не требуется чьей-то активной злой (или доброй) воли — так происходит просто в силу вещей или как воплощение аппаратной функции культурной или институциональной системы.

В логике моего исследования ключевую причину такого игнорирования эмоциональной интенсивности и энергии социального действия следует усматривать также в скрытом доминировании вычислительной теории познания и связанном с ним «кибернетизированном» видении культуры. «Приказ выглядит плоско, неинтересно с когнитивной точки зрения», — подчеркивает Бригенти (Brighenti, 2023: 18).

Чтобы исправить это положение, Бригенти делает несколько важных шагов. Во-первых, он вводит в качестве ключевых характеристик социальной жизни дополняющие друг друга понятия: фармакология, катексис¹⁴ и сингулярность. Фармакология — это свойство критической зависимости эффекта воздействия от «дозировки» — его количества или интенсивности: то, что в одной дозировке лекарство, в другой — смертельный яд (см. второе свойство катексиса). Катексис Бригенти определяет существенно иначе, чем я: следуя сложному ходу мысли Элиаса Канетти, которому и посвящена книга, и в противоположность фрейдистской трактовке, он преимущественно опирается на понятие «катехон». «Катектическая конфигурация» — это связанность противоположностей (как при сдерживании Антихриста катехоном — отношении, по мысли Бригенти, существенно определяющим обе стороны противостояния), которое производит «сингуляр-

13. Речь идет о центральной тенденции. В каждом случае можно указать на аргументы, выпадающие из этой формулировки, которые могут выводить на обширные дискуссии, невозможные в рамках этой статьи. Например, рассуждая о связи власти и насилия, Никлас Луман ввел понятие симбиотических механизмов.

14. То, что и он, и я одновременно обратились к этому малоупотребительному в социологии понятию, немало удивило нас обоих.

ности» — образцы мышления и идей, которые не встраиваются ни в одну систему или теодицею¹⁵ (Brighenti, 2023: 15).

Во-вторых, подобно тому как Андреас Реквитц усматривает в своей трактовке «сингулярности» (Reckwitz, 2020), а Хартмут Роза — в напряжении между идеей контроля и невозможностью его достижения (Rosa, 2020) главное свойство эпохи, Бригенти подчеркивает, что современность — эпоха подчинения, и поэтому крайне важно дополнить ее понимание «приказом», чья значимость существенно превосходит логику приказа, то есть логику императивов и обязательств (Brighenti, 2023: 24). В-третьих, отсюда прямо следует, что приказ и послушание состоят в динамическом отношении напряжения, которое и должно стать предметом пристального внимания.

И, наконец, в-четвертых, вполне в духе теорий распределенного познания и внимания к проблеме эмоциональной интенсивности, весь этот ход мысли приводит Бригенти к идее «овнутрения приказа», которую он реконструирует в текстах Канетти. Если рассматривать приказ как доязыковой феномен, его парадигмой становится команда хищника, обращенная к жертве, несущая смертный приговор и требующая прекращения сопротивления (ср. с рассуждениями Коллинза, о которых я писал в первой части статьи). Согласно Канетти, каждый приказ может быть аналитически разъят на импульс (который каждый раз приводит в действие в момент осуществления приказа) и «шип» (*Stachel*) — накопленный опыт исполнения команд — «острие», чей укол может быть и не слишком болезненным, но которое в результате опыта употребления позволяет овнутрить боль и дискомфорт и превратить их в инкорпорированный императив подчинения¹⁶. Рассуждения Бригенти подталкивают к преодолению «плоской» перспективы культуры и добавлению в нее энергетики социального действия и эмоциональной интенсивности. Обращение к феномену приказа позволяет прояснить недоопределенные в социальной теории пространства «между субъективным и объективным» и «между страстью и институцией» (Brighenti, 2023: 13).

Вероятно, идея напряжения между императивом и реализацией, приказом и подчинением, предпосылками действия и самим действием, контролем и его противоположностью — играет ключевую роль в преодолении кибернетического видения культуры и познания. Кибернетическая схема принципиально устраняет неопределенность, поэтому, чтобы преодолеть ее доминирование, требуется вернуть субстанцию, связанную с напряжением. Именно в таком качестве выступают эмоции, если их не редуцировать к особой форме культурных смыслов.

15. Здесь также прослеживается связь с понятием эмерджентности — обсуждаемые здесь понятия обнаруживают принадлежность к весьма сходным паттернам аргумента.

16. Отечественный читатель может быть знаком с этим аргументом через идею мыслительной «мозоли» из романа Виктора Пелевина «Generation “П”». А. Ф. Филиппов подробно разбирает понятие шипа (или «жала», следуя переводу Л. Г. Ионина) — в его связи с приказом и в продуктивном сопоставлении Канетти с Дюркгеймом — еще одном несостоявшемся диалоге, открывающем большие теоретические горизонты (Филиппов, 2007: 32–35).

Хартмут Роза развивает похожую идею, доопределяя желание в контексте теории резонанса как, во-первых, не вполне контролируемое само по себе, а во-вторых, фундаментально нацеленное на неподконтрольные ему объекты. Суть напряжения в том и состоит, что его крайности оказываются либо бессодержательными, либо опасными. Желание, как и резонанс, должно иметь некоторое влияние (или возможность влияния) на свой объект, но если влияние превратится в контроль — резонанс превратится в доминирование, а желание (определенное как стремление обладать тем, что пока еще не находится в нашем доступе) исчезнет, настаивает Роза (Rosa, 2020: 8–9). Перспектива приближения к полюсу контроля, подчеркивает он, уже позволила некоторым наблюдателям утверждать о приближающейся или даже уже начинающейся «постэмоциональной» и «постсексуальной» эпохе (Rosa, 2020: 107–108). Приближение же к полюсу неподконтрольности уже стало фрустрацией нового «монструозного» мира, где усилия не гарантируют результата в любой значимой сфере, от образования до компьютерных вирусов, и капитуляции перед искусственным интеллектом, отбирающим у нас наши секреты и доступ к нашим вещам (Rosa, 2020: 110–116).

Заключение

Даже краткий и по необходимости неполный экскурс в развивающиеся в последние годы социальные теории, чувствительные к энергетике культуры и действия, позволяет усмотреть проявление *Zeitgeist*, побудившего исследователей вводить в оборот семейство связанных друг с другом понятий. Это и тесно связанный с «эмерджентностью» «резонанс» (Роза и Макдоннелл, Бейл и Тэвори), и «сингулярность» (Реквитц и Бригенти), и «катексис» (Бригенти и Куракин). То, что авторы вводят их в слегка различающихся, но тесно перекликающихся смыслах, то, что эти понятия неразрывно связаны друг с другом, а также то, что даже в наше гиперкоммуникативное время общедоступных баз данных научного цитирования, продвинутых алгоритмов поиска и автоматических уведомлений исследователи часто приходят к ним независимо друг от друга, не зная о параллельно ведущихся разработках, только усиливает предположение об их фундаментальной значимости.

Встретившая недоверие многих традиционно мыслящих социологов перспектива «когнитивного поворота» заново ставит перед социальной теорией вопросы, которые та счастливо игнорировала на протяжении многих десятилетий. «Традиционный когнитивизм», десятками лет опиравшийся на вычислительные модели познания и оказавший мощное и по большей части скрытое влияние на другие области знания, и, в частности, на социологию, оказался проблематизирован, если не окончательно отторгнут в своем родном домене. Возникающие на его месте аргументы и модели, такие как «4E-подходы» (Menary, 2018; Newen, De Bruin, Gallagher, 2018; Newen, Gallagher, De Bruin, 2018), даже если они не сложились еще в новую столь же грандиозную конструкцию, поддержанную подавляющим консенсусом, обнаруживают семейные сходства и позволяют двигаться дальше.

Одно из ключевых направлений на этом пути — пересмотр роли эмоций в культуре и их интеграция в культуру в качестве ее неотъемлемого измерения. Этот пересмотр подразумевает отказ от явно или скрыто доминирующей в социологии модели эмоций как «топлива» культурных процессов, которое лишь усиливает их социальные эффекты, но не участвует в производстве культурных смыслов. Это контринтуитивное видение. («Эмоциональную динамику смысловой жизни, в конечном счете приводимую к жизни в нашем мозгу и с участием вырабатываемых нашим телом гормонов нужно делегировать какой-то эфемерной культуре?!») Оно опирается на эмерджентистское видение культуры — по-видимому, единственное последовательное эпистемологическое решение, вполне совместимое с концепциями распределенного познания (Kurakin, 2020).

Именно этот путь я постарался наметить в данном исследовании, реинтерпретировав понятие катексиса, проследив его историю и связав с важнейшими событиями, произошедшими в последние десятилетия в поведенческих науках и философии познания. Введенное таким образом понятие катектических механизмов культуры отнюдь не призывает к построению теории с чистого листа. Вместо этого предложенная здесь оптика позволяет распознать важнейшие теории и модели в предыдущих исследованиях, а также наметить стратегию уточнения и переработки некоторых теорий и подходов, которые благодаря этому могут существенно усилить свой потенциал.

Вместо привычных семиотических схем значений и связей между ними, которые нужно реконструировать и классифицировать, подобно шифровальщикам и операторам коммутации на АТС, перед нами простирается неоднородный ландшафт энергизированных смысловых структур, чьи свойства определяются в социальных взаимодействиях, приведших их к жизни, и которые не могли бы возникнуть в отсутствие эмоций как ингредиента и базового свойства. Грамматика культуры и ее логика — это живые и эмоционально заряженные отношения, к пониманию которых социологи стремились еще с эпохи классиков и к которому мы сегодня можем еще немного приблизиться.

Литература

- Александр Дж.* (2013). О социальном конструировании нравственных универсалий: 'Холокост'. От военных преступлений до драмы травмы // Смыслы социальной жизни: культуросоциология / Пер. с англ. Г. К. Ольховикова под ред. Д. Ю. Куракина. Москва: Праксис. С. 95–254
- Бахтин М. М.* (1965). Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. Москва.
- Болтански Л.* (2019). Тайны и Заговоры: По следам расследований / Пер. с фр. А. Захаревича, под ред. О. Хархордина. СПб: Издательство Европейского Университета в Санкт-Петербурге.
- ван Геннеп А.* (1999). Ритуалы перехода. Москва.

- Ветлесен А. Ю.* (2010). *Философия боли* / Пер. с норвежского Е. Воробьёвой. М.: Прогресс-Традиция.
- Витгенштейн Л.* (1994). *Философские исследования* // *Философские работы* / Составл., вступ. статья, прим. М. С. Козловой. Пер. с нем. М. С. Козловой и Ю. А. Асеева. М.: «Гнозис». С. 75–320.
- Гайденко П. П.* (2013). *Проблема времени у Исаака Ньютона* // *Метафизика*. Т. 7. № 5. С. 8–20.
- Гофман И.* (2001). *Первичные системы фреймов* / Пер. с англ. О. А. Оберемко, Е. Г. Авджян // *Социологический журнал*. № 1.
- Дуглас М.* (2000). *Чистота и Опасность* / Пер. с англ. Р. Громовой, под ред. С. Баньковской, вступ. статья и коммент. С. Баньковской. М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле».
- Дюркгейм Э.* (2018). *Элементарные формы религиозной жизни* / Пер. с фр. В. Земсковой под ред. Д. Куракина; Вступ. ст. Д. Куракина. М.: Элементарные формы.
- Дюркгейм Э., Мосс М.* (1996). *О некоторых первобытных формах классификации. К исследованию коллективных представлений* // *Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии*. М.: Восточная литература. С. 6–73.
- Жиран Р.* (2000). *Насилие и священное* / Пер. с фр. Г. Дашевского. М.: Новое литературное обозрение.
- Куракин Д.* (2011а). *Модели тела в современном популярном и экспертном дискурсе: к культурсоциологической перспективе анализа* // *Социологическое обозрение*. Т. 10. № 1–2. С. 56–74.
- Куракин Д.* (2011б). *Ускользящее сакральное: проблема амбивалентности сакрального и ее значение для «сильной программы» культурсоциологии* // *Социологическое обозрение*. Т. 10. № 3. С. 41–70.
- Куракин Д.* (2018). *Предисловие к русскому переводу “Элементарных форм религиозной жизни”* // *Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии* / Пер. с фр. В. Земсковой; науч. ред. Д. Куракина. М.: Элементарные формы. С. 15–48.
- Куракин Д.* (2020). *Трагедия неравенства: расчеловечивая «тотального человека»* // *Социологическое обозрение*. Т. 19. № 3. С. 167–231.
- Куракин Д.* (2023). *Катектические механизмы культуры. Часть 1* // *Социологическое обозрение*. Т. 22. № 3. С. 9–52.
- Рикёр П.* (1990). *Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение* // *Теория метафоры* / Под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. М.: Прогресс.
- Смит Ф.* (2008). *Рассуждения о гильотине: карательная техника как миф и символ* / Пер. с англ. И. Тартаковской, под ред. Д. Куракина // *Социологическое обозрение*. Т. 7. № 2. С. 3–23.
- Тэрнер В.* (1983). *Символ и ритуал* / Сост., вступ. статья и пер. с англ. В. А. Бейлиса. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука».

- Уинч П. (1996). Идея социальной науки и ее отношение к философии / Пер. с англ. М. Горбачева и Т. Дмитриева. М.: Русское феноменологическое общество.
- Филиппов А. Ф. (2007). Пространство власти и конструкция массы: Канетти и политическая социология // Вопросы философии. № 3. С. 30–37.
- Шариков Д. Д. (2019). Новая социология культуры: от «ящиков с инструментами» к когнитивным процессам // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 22. № 3. С. 179–210.
- Abrutyn S. (2023). Toward a Sociological Theory of Social Pain // Journal for the Theory of Social Behaviour. P. 1–21.
- Abrutyn S., Lizardo O. (2020). Grief, Care, and Play: Theorizing the Affective Roots of the Social Self // Advances in Group Processes, Vol. 37, OSF Preprints / eds. by S. R. Thye, E. J. Lawler. Bingley: Emerald Publishing Limited. P. 79–108.
- Ahmed S. (2004). The Cultural Politics of Emotion. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Almeling R. (2011). Sex Cells: The Medical Market for Eggs and Sperm. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press.
- Boudon R. (1974). Education, Opportunity, and Social Inequality. New York: Wiley.
- Brighenti A. M. (2023). Elias Canetti and Social Theory. London, New York, Dublin: Bloomsbury Academic.
- Brooks A. (2004). 'Under the Knife and Proud of It: An Analysis of the Normalization of Cosmetic Surgery // Critical Sociology. Vol. 30. P. 207–239.
- Caillois R. (1984). The Mystery Novel / Transl. by R. Yahni, A. W. Sadler. Bronxville, New York: The Laughing Buddha Press.
- Clayton P. (2006). Conceptual Foundations of Emergence Theory // The Re-Emergence of Emergence. The Emergentist Hypothesis from Science to Religion / Ed. by P. Clayton and P. Davies. Oxford New York: Oxford University Press. P. 1–30.
- Collins R. (2008). Violence. A Micro-Sociological Theory. Princeton, New Jersey: Princeton University Press.
- Collins R. (2019). Emotional Micro Bases of Social Inequality: Emotional Energy, Emotional Domination and Charismatic Solidarity // Emotions and Society. Vol. 1. № 1. P. 45–50.
- Giddens A. (1991). Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge: Polity Press.
- Guhin J. (2016). Why Worry about Evolution?: Boundaries, Practices, and Moral Salience in Sunni Muslim and Conservative Protestant High Schools // Sociological Theory. Vol. 34. № 2. P. 151–174.
- Illouz E. (2008). Saving the Modern Soul: Therapy, Emotions, and the Culture of Self-Help. Berkeley: University of California Press.
- Illouz E. (2012). Why Love Hurts: A Sociological Explanation. Polity Press.
- Jackson M., Erikson R., Goldthorpe J. H., Yaish M. (2007). Primary and Secondary Effects in Class Differentials in Educational Attainment: The Transition to A-Level Courses in England and Wales // Acta Sociologica. Vol. 50. № 3. P. 211–229.

- Kurakin D.* (2014). How Root Metaphors Structure Meaningful Life by Means of Emotions: Theory and Empirical Illustration from the Sphere of Academic Ethics. New Haven.
- Kurakin D.* (2015). Reassembling the Ambiguity of the Sacred: A Neglected Inconsistency in Readings of Durkheim // *Journal of Classical Sociology*. Vol. 15. № 4. P. 377–395.
- Kurakin D.* (2019a). The Cultural Mechanics of Mystery: Structures of Emotional Attraction in Competing Interpretations of the Dyatlov Pass Tragedy // *American Journal of Cultural Sociology*. Vol. 7. P. 101–127.
- Kurakin D.* (2019b). The Sacred, Profane, Pure, Impure, and Social Energization of Culture // *The Oxford Handbook of Cognitive Sociology* / Ed. by W. H. Brekhus and G. Ignatow. New York: Oxford University Press. P. 485–506.
- Kurakin D.* (2020). Culture and Cognition: The Durkheimian Principle of Sui Generis Synthesis vs. Cognitive-Based Models of Culture // *American Journal of Cultural Sociology*. Vol. 8. № 1. P. 63–89.
- Kurakin D.* (2024). Cathetic Mechanisms of Cosmetic Surgery: Operation and Recovery as a Ritual-like Process (Manuscript).
- Lareau A.* (2011). *Unequal Childhoods: Class, Race, and Family Life*. 2nd Editio. Berkeley and Los Angeles: University of California Press.
- Lévi-Strauss C.* (1990). *The Raw and the Cooked. Mythologiques*. Vol. 1 / Trans. from the French by John and Doreen Weightman. Chicago: The University of Chicago Press.
- McCaffree K., LeRon Shults F.* (2022). Distributive Eferescence: Emotional Energy and Social Cohesion in Secularizing Societies // *Theory and Society*. Vol. 51. P. 233–268.
- McDonnell T., Bail Ch. A., Tavory I.* (2017). A Theory of Resonance // *Sociological Theory*. Vol. 35. № 1. P. 1–14.
- Menary R.* (2018). Cognitive Integration: How Culture Transforms Us and Extends Our Cognitive Capabilities // *The Oxford Handbook of 4E Cognition* / Ed. by A. Newen, L. De Bruin, S. Gallagher. Oxford: Oxford University Press. P. 187–216.
- Newen A., De Bruin L., Gallagher Sh.* (eds.). (2018). *The Oxford Handbook of 4E Cognition*. Oxford: Oxford University Press.
- Newen A., Gallagher Sh., De Bruin L.* (2018). 4E Cognition: Historical Roots, Key Concepts, and Central Issues // *The Oxford Handbook of 4E Cognition* / Ed. by A. Newen, L. De Bruin, S. Gallagher. Oxford: Oxford University Press. P. 3–16.
- Nussbaum M. C.* (2001). *Upheavals of Thought: The Intelligence of Emotions*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Nussbaum M. C.* (2013). *Political Emotions: Why Love Matters for Justice*. Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press.
- Paksi D.* (2014). The Concept of Boundary Conditions // *Polanyiana*. Vol. 23. № 1–2. P. 5–20.
- Polanyi M.* (1968). Life's Irreducible Structure // *Science, New Series*. Vol. 160. № 3834. P. 1308–1312.
- Poling J.* (2023). Gendered Embodiment and Bodily Change: How Mastectomy and Pregnancy Bloggers Perceive and Resolve Physical Disruptions // *American Journal of*

- Cultural Sociology. <https://link.springer.com/article/10.1057/s41290-023-00197-2#citeas>
- Reckwitz A.* (2020). *The Society of Singularities*. Medford, Mass: Polity Press.
- Ricoeur P.* (1978). *The Metaphorical Process as Cognition, Imagination, and Feeling* // *Critical Inquiry*. Vol. 5. № 1. P. 143 — 159.
- Rosa H.* (2020). *The Uncontrollability of the World* / Tr. by James C. Wagner. Cambridge: Polity Press.
- Rosenwein B. H.* (2012). *Theories of Change in the History of Emotions* // *A History of Emotions, 1200-1800* / Ed. by J. Lilliequist. London: Pickering and Chatto. P. 7–20.
- Schutz A.* (1976). *Making Music Together: A Study in Social Relationship* // *Collected Papers*, Vol. 2. *Studies in Social Theory* / Ed. by Arvid Brodersen. The Hague, Netherlands: Martinus Nijhoff. P. 159–178.
- Shaw L.* (2021). *On Rupture: Establishing the Cognitive Bases of Social Change* // *Sociological Forum*. Vol. 36. № 51. P. 1229–1252.
- Simmel G.* (1906). *The Sociology of Secrecy and of the Secret Societies* // *American Journal of Sociology*. Vol. 11. № 4. P. 441–498.
- Smith Ph., Stoll F.* (2021). *A Maximal Understanding of Sacrifice: Bataille, Richard Wagner, Pilgrimage and the Bayreuth Festival* // *Religions*. Vol. 12. № 1. P. 53–67.
- Solomon R. C.* (1998). *The Politics of Emotion* // *Midwest Studies in Philosophy*. №22. P. 1–20.
- Taussig M.* (2012). *Beauty and the Beast*. Chicago and London: The University of Chicago Press.
- Turner V.* (1967). *The Forest of Symbols: Aspects of Ndembu Ritual*. Ithaca and London: Cornell University Press.
- Turner V.* (1975). *Metaphors of Anti-Structure in Religious Culture* // *Dramas, Fields and Metaphors. Symbolic Action in Human Society*. Ithaca and London: Cornell University Press. P. 272–299.

Cathectic Mechanisms of Culture

Part 2

Dmitry Kurakin

PhD, Lead Research Fellow, Centre for Fundamental Sociology; Professor, the Department of Educational Programmes at the Institute of Education, HSE University. Visiting Professor of Sociology at Yale University.
Address: 204 Prospect St., room 2004, New Haven, CT, USA, 06511
E-mail: dmitry.kurakin@yale.edu

The article introduces a new research program that focuses on the constitutive role of emotions, affect, and their intensity in meaning-making. It opposes the existing broad tradition that effectively posits culture as information, sees cultural processes as coding, transferring, and processing information, and treats emotions as a 'fuel' feeding these processes in social life. I build this program around the re-interpretation of the concept of 'cathexis,' defined as a basic feature of meaning-making that consists in attaching emotions produced in social interactions to various kinds of objects of that meaning-making: things, ideas, representations, symbols, bodies, and their

parts; spatial (e.g., pieces of land) and temporal (e.g., events) phenomena. Drawing on the analysis presented in the first part of this article, in this part, I introduce two basic modes of cathetic mechanisms of culture (piety and transgression) and outline five general features of cathexis (persistence, the pharmacy principle, boundary-making, situational spontaneity, and emergence). Based on this program, I review existing research dealing with the emotional dimension of culture. I organize this material into three sub-sections: perception, identity and social change, and 'energetics' of social action. I show that using the theory of cathexis as a common denominator empowers existing approaches, puts them on the same board, and moves us to a better understanding of the emotional dimension of culture.

Keywords: cathexis, emotions, affect, the sacred, cultural sociology, sociology of culture and cognition, cognitive processes

References

- Abrutyn S. (2023) Toward a Sociological Theory of Social Pain. *Journal for the Theory of Social Behaviour*, pp. 1–21.
- Abrutyn S., Lizardo O. (2020) Grief, Care, and Play: Theorizing the Affective Roots of the Social Self. *Advances in Group Processes, Vol. 37, OSF Preprints* (ed. by S. R. Thye and E. J. Lawler), Bingley: Emerald Publishing Limited, pp. 79–108.
- Ahmed S. (2004) *The Cultural Politics of Emotion*, Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Alexander J. (2013) O Sotsial'nom konstruirovani npravstvennykh universalii: 'Kholokost' ot voyennykh prestupleniy do dramy travmy. *Smysly sotsial'noy zhizni: kul'tursotsiologiya* [On the Social Construction of Moral Universals: 'The Holocaust' From War Crimes to the Drama of Trauma. Meanings of social life: cultural sociology] (Transl. G. K. Olkhovikov, ed. D.Yu. Kurakin), Moscow: Praxis, pp. 95–254. (In Russian)
- Almeling R. (2011) *Sex Cells: The Medical Market for Eggs and Sperm*, Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press.
- Bakhtin M. M. (1965) *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa* [The Work of Francois Rabelais and Folk Culture of the Middle Ages and the Renaissance], Moscow. (In Russian)
- Boltanski L. (2019) *Tayny i Zagovory: P. Sledam Rassledovaniy* [Secrets and Conspiracies: In the Footsteps of Investigations] (Transl. Fr. A. Zakharevich, Ed. O. Kharkhordin), St. Petersburg: European University Publishing House in St. Petersburg. (In Russian)
- Boudon R. (1974) *Education, Opportunity, and Social Inequality*, New York: Wiley.
- Brighenti A. M. (2023) *Elias Canetti and Social Theory*, London, New York, Dublin: Bloomsbury Academic.
- Brooks A. (2004) 'Under the Knife and Proud of It:' An Analysis of the Normalization of Cosmetic Surgery. *Critical Sociology*, vol. 30, pp. 207–239.
- Caillois R. (1984) *The Mystery Novel* (Translated by R. Yahni and A. W. Sadler), Bronxville, New York: The Laughing Buddha Press.
- Clayton Ph. (2006) Conceptual Foundations of Emergence Theory. *The Re-Emergence of Emergence. The Emergentist Hypothesis from Science to Religion* (ed. by P. Clayton and P. Davies), Oxford New York: Oxford University Press, pp. 1–30.

- Collins R. (2008) *Violence. A Micro-Sociological Theory*, Princeton, New Jersey: Princeton University Press.
- Collins R. (2019) Emotional Micro Bases of Social Inequality: Emotional Energy, Emotional Domination and Charismatic Solidarity. *Emotions and Society*, vol. 1, no 1, pp. 45–50.
- Douglas M. (2000) *Chistota i opasnost' [Purity and Danger]* (Trans. from english R. Gromova, ed. S. Bankovskaya, entry article and comment. S. Bankovskaya), Moscow: "KANON-press-C", "Kuchkovo Pole". (In Russian)
- Durkheim E. (2018) *Jelementarnye formy religioznoj zhizni* [Elementary Forms of Religion Life]. Tr. by V. Zemskovoj (ed.D. Kurakina), Moscow: Jelementarnye formy
- Durkheim E., Moss M. (1996) O Nekotorykh pervobytnykh formakh klassifikatsii. K issledovaniyu kollektivnykh predstavleniy [On Some Primitive Forms of Classification. Toward the Study of Collective Representations] *Obshchestva. Obmen. Lichnost'. Trudy po sotsial'noy antropologii* [Society. Exchange. Personality. Transactions on social anthropology], Moscow: Oriental Literature, pp. 6–73/ (In Russian)
- Filippov A. F. (2007) Prostranstvo vlasti i konstruktsiya massy: Kanetti i politicheskaya sotsiologiya [The space of power and the construction of the masses: Canetti and political sociology]. *Voprosy Filosofii*, no 3, pp. 30–37. (In Russian)
- Gaidenko P. P. (2013) Problema Vremeni u Isaaka N'yutona [Isaac Newton's Problem of Time]. *Metaphysics*, vol. 7, no 5, pp. 8–20/ (In Russian)
- Giddens A. (1991) *Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age*, Cambridge: Polity Press.
- Girard R. (2000) *Nasiliye i svyashchennoye [Violence and the Sacred]* (Trans. from fr. G. Dashevsky), Moscow: New Literary Review. (In Russian)
- Goffman E. (2001) *Pervichnyye Sistemy Freymov [Primary Frame Systems]* (Trans. from english O. A. Oberemko, E. G. Avjyan. *Sociological Journal*, no 1, pp. 122-137/ (In Russian)
- Guhin J. (2016) Why Worry about Evolution?: Boundaries, Practices, and Moral Salience in Sunni Muslim and Conservative Protestant High Schools. *Sociological Theory*, vol. 34, no 2, pp. 151–174.
- Illouz E. (2008) *Saving the Modern Soul: Therapy, Emotions, and the Culture of Self-Help*, Berkeley: University of California Press.
- Illouz E. (2012) *Why Love Hurts: A Sociological Explanation*, Polity Press.
- Jackson M., Erikson R., Goldthorpe J. H., Yaish M. (2007) Primary and Secondary Effects in Class Differentials in Educational Attainment: The Transition to A-Level Courses in England and Wales. *Acta Sociologica*, vol. 50, no 3, pp.211–229.
- Kurakin D. (2011a) Modeli tela v sovremennom populyarnom i ekspertnom diskurse: K kul'tursotsiologicheskoy perspektive analiza [Models of the Body in Contemporary Popular and Expert Discourse: Toward a Cultural Sociological Perspective of Analysis]. *Russian Sociological Review*, vol. 10, no 1-2, pp. 56-74. (In Russian)
- Kurakin D. (2011b) Uskol'zayushcheye sakral'noye: problema ambivalentnosti sakral'nogo i yeye znachenije dlya «sil'noy programmy» kul'tursotsiologii [Eluding sacred: am-

- biguity of the sacred and its importance for the «strong program» in cultural sociology]. *Russian Sociological Review*, vol. 10, no 3, pp. 41-70. (In Russian)
- Kurakin D. (2014) *How Root Metaphors Structure Meaningful Life by Means of Emotions: Theory and Empirical Illustration from the Sphere of Academic Ethics*, New Haven.
- Kurakin D. (2015) Reassembling the Ambiguity of the Sacred: A Neglected Inconsistency in Readings of Durkheim. *Journal of Classical Sociology*, vol. 15, no 4, pp. 377-395.
- Kurakin D. (2018) Predislovie k russkomu perevodu “Jelementarnyh form religioznoj zhizni” [Editor’s Introduction to «Elementary Forms to Religious Life»], Durkheim E., *Jelementarnye formy religioznoj zhizni: totemicheskaja sistema v Avstralii* [Elementary Forms to Religious Life: The Totemic System in Australia]. Tr. by V. Zemskova, ed. D. Kurakin, Moscow: Jelementarnye formy, pp. 15 -48. (In Russian)
- Kurakin D. (2019a) The Cultural Mechanics of Mystery: Structures of Emotional Attraction in Competing Interpretations of the Dyatlov Pass Tragedy. *American Journal of Cultural Sociology*, no 7, pp. 101-127.
- Kurakin D. (2019b) The Sacred, Profane, Pure, Impure, and Social Energization of Culture. *The Oxford Handbook of Cognitive Sociology* (ed. by W.H. Brekhus and G. Ignatow), New York: Oxford University Press, pp. 485-506.
- Kurakin D. (2020) Culture and Cognition: The Durkheimian Principle of Sui Generis Synthesis vs. Cognitive-Based Models of Culture. *American Journal of Cultural Sociology*, vol. 8, no 1, pp. 63-89.
- Kurakin D. (2020) Tragediya neravenstva: raschelovechivaya «total’nogo cheloveka» [Tragedy of Inequality: Dehumanizing “L’Homme Total”]. *Russian Sociological Review*, vol. 19, no 3, pp. 167-231. (In Russian)
- Kurakin D. (2024) *Cathectic Mechanisms of Cosmetic Surgery: Operation and Recovery as a Ritual-like Process* (Manuscript).
- Kurakin D. (2023) Katekticheskiye mekhanizmy kul’tury. Chast’ 1 [Cathectic Mechanisms of Culture. Part 1]. *Russian Sociological Review*, vol. 22, no 3, pp. 9-52. (In Russian)
- Lareau A. (2011) *Unequal Childhoods: Class, Race, and Family Life*. 2nd Editio, Berkeley and Los Angeles: University of California Press.
- Lévi-Strauss C. (1990) *The Raw and the Cooked. Mythologiques*, Vol. 1 (Tr. from the French by John and Doreen Weightman), Chicago: The University of Chicago Press.
- McCaffree K., LeRon Shults F. (2022) Distributive Efervescence: Emotional Energy and Social Cohesion in Secularizing Societies. *Theory and Society*, vol. 51, pp. 233-268.
- McDonnell T., Bail Ch. A., Tavory I. (2017) A Theory of Resonance. *Sociological Theory*, vol. 35, no 1, pp. 1-14.
- Menary R. (2018) Cognitive Integration: How Culture Transforms Us and Extends Our Cognitive Capabilities. *The Oxford Handbook of 4E Cognition* (ed. by A. Newen, L. De Bruin, S. Gallagher), Oxford: Oxford University Press, pp. 187-216.
- Newen A., De Bruin L., Gallagher Sh. (eds.). (2018) *The Oxford Handbook of 4E Cognition*, Oxford: Oxford University Press.

- Newen A., Gallagher Sh., De Bruin L. (2018) 4E Cognition: Historical Roots, Key Concepts, and Central Issues. *The Oxford Handbook of 4E Cognition* (ed. by A. Newen, L. De Bruin, S. Gallagher), Oxford: Oxford University Press, pp. 3–16.
- Nussbaum M. C. (2001) *Upheavals of Thought: The Intelligence of Emotions*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Nussbaum M. C. (2013) *Political Emotions: Why Love Matters for Justice*, Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press.
- Paksi D. (2014) The Concept of Boundary Conditions. *Polanyiana*, vol. 23, no 1–2, pp. 5–20.
- Polanyi M. (1968) Life's Irreducible Structure. *Science, New Series*, vol. 160, no 3834, pp. 1308–1312.
- Poling J. (2023) Gendered Embodiment and Bodily Change: How Mastectomy and Pregnancy Bloggers Perceive and Resolve Physical Disruptions. *American Journal of Cultural Sociology*. <https://link.springer.com/article/10.1057/s41290-023-00197-2#citeas>
- Reckwitz A. (2020) *The Society of Singularities*, Medford, Mass: Polity Press.
- Ricoeur P. (1978) The Metaphorical Process as Cognition, Imagination, and Feeling. *Critical Inquiry*, vol. 5, no 1, pp. 143 — 159.
- Ricoeur P. (1990) Metaforicheskiy protsess kak poznaniye, voobrazheniye i oshchushcheniye [Metaphorical Process as Cognition, Imagination and Sensation] *Teoriya metafory* [Theory of metaphor] (ed. by N. D. Arutyunova and M. A. Zhurinskaya), Moscow: Progress. (In Russian)
- Rosa H. (2020) *The Uncontrollability of the World* (Transl. by James C. Wagner), Cambridge: Polity Press.
- Rosenwein B. H. (2012) Theories of Change in the History of Emotions. *A History of Emotions, 1200-1800* (ed. by J. Liliequist), London: Pickering and Chatto, pp. 7–20.
- Schutz A. (1976) Making Music Together: A Study in Social Relationship. *Collected Papers, Vol. 2. Studies in Social Theory* (ed. by Arvid Brodersen), The Hague, Netherlands: Martinus Nijhoff, pp. 159–78.
- Sharikov D. D. (2019) Novaja sociologija kul'tury: ot «jashhikov s instrumentami» k kognitivnym processam [New sociology of culture: from “toolboxes” to cognitive processes]. *The Journal of Sociology and Social Antropology*, vol. 22, no 3, pp. 179 –210. (In Russian)
- Shaw L. (2021) On Rupture: Establishing the Cognitive Bases of Social Change. *Sociological Forum*, vol. 36, no S1, pp.1229–1252.
- Simmel G. (1906) The Sociology of Secrecy and of the Secret Societies. *American Journal of Sociology*, vol. 11, no 4, pp. 441–498.
- Smith Ph. (2008) Rassuzhdeniya o gil'otine: karatel'naya tekhnika kak mif i simvol [Narrating the guillotine: punishment technology and symbol] (Transl. by: Irina Tartakovskaya ; Translation ed. by: Dmitry Kurakin). *Russian Sociological Review*, vol. 7, no 2, pp. 3-23. (In Russian)
- Smith Ph., Stoll F. (2021) A Maximal Understanding of Sacrifice: Bataille, Richard Wagner, Pilgrimage and the Bayreuth Festival. *Religions*, vol. 12, no 1, pp. 53–67.

- Solomon R. C. (1998) The Politics of Emotion. *Midwest Studies in Philosophy*, no 22, pp. 1–20.
- Taussig M. (2012) *Beauty and the Beast*, Chicago and London: The University of Chicago Press.
- Turner V. (1967) *The Forest of Symbols: Aspects of Ndembu Ritual*, Ithaca and London: Cornell University Press.
- Turner V. (1975) Metaphors of Anti-Structure in Religious Culture. *Dramas, Fields and Metaphors. Symbolic Action in Human Society*, Ithaca and London: Cornell University Press, pp. 272–299.
- Turner V. (1983) *Simvol i Ritual [Symbol and Ritual]*. (Comp., intro. article and translation from english V. A. Baileys), Moscow: Main editorial office of oriental literature of the Nauka publishing house. (In Russian)
- van Gennep A. (1999) *Ritualy Perekhoda [Rituals of Passage]*, Moscow. (In Russian)
- Vetlesen A. J. (2010) *Filosofiya Boli [Philosophy of Pain] (Transl. from norwegian by E. Vorobyov)*, Moscow: Progress-Tradition. (In Russian)
- Winch P. (1996) *Ideya Sotsial'noy Nauki i Yeye Otnosheniye k Filosofii [The Idea of Social Science and Its Relation to Philosophy]* (Transl. from english M. Gorbachev and T. Dmitrieva), Moscow: Russian Phenomenological Society.
- Wittgenstein L. (1994) *Filosofskiye Issledovaniya [Philosophical Studies]. Filosofskiye raboty [Philosophical works]* (Compilation, intro. article, note M. S. Kozlova, transl. M. S. Kozlova and Yu. A. Aseev), Moscow: Gnosis Publishing House, pp. 75–320. (In Russian)